

Модзалевский Лев Николаевич

**Императрица Мария Феодоровна
и ее первый женский институт**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич М.**
Императрица Мария Феодоровна и ее первый женский институт / Модзалевский Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 39 с.

ISBN 978-5-519-97134-8

ISBN 978-5-519-97134-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

прочимъ, пишетъ ему: «Пятилѣтній ребенокъ не можетъ воспользоваться никакой наукой. Опасно, я скажу—даже жестоко, требовать отъ этихъ маленькихъ существъ прилежанія въ тотъ нѣжный возрастъ, когда ихъ организмъ развивается преимущественно физически. Оторванный отъ семьи *пяти* лѣтъ отъ роду, ребенокъ не можетъ сохранить никакого воспоминанія о своихъ родителяхъ. Чуждый воспоминаній о родительскихъ ласкахъ, онъ, вмѣсто радости и удовольствія, будетъ чувствовать страхъ и отвращеніе при мысли о возвращеніи домой». Такимъ образомъ, Государыня, будучи сама чадолюбивою матерью, и съ другихъ матерей не снимала обязанности самимъ заботиться о *первоначальномъ* духовно-нравственномъ развитіи своихъ дѣтей; она признавала, что *безъ семьи не можетъ быть и чистой нравственности*, а теорію Бецкаго «объ образованіи новой породы гражданъ» считала крайнею и вредною какъ для дѣтей, такъ отчасти и для самихъ родителей. Тогдашнюю слишкомъ раннюю и продолжительную отрѣшенность дѣтей отъ дѣйствительной жизни она, даже вопреки взгляду Ж. Жака Руссо о развращающемъ вліяніи общества на дѣтей, считала мѣрою одностороннею, и допускала закрытое воспитаніе *единственно для сиротъ* и вообще для обездоленныхъ дѣтей, лишенныхъ необходимыхъ средствъ къ воспитанію въ собственной семьѣ вслѣдствіе сиротства, или крайней бѣдности, или нравственной испорченности и невѣжества самой семьи. Предостерегая воспитательницъ Смольнаго института отъ вредныхъ послѣдствій совершенно закрытаго воспитанія, каковы, напр., экзальтація воображенія, мечтательность, она въ 1802 году пишетъ: «Слѣдуетъ иногда разрушать иллюзіи воспитанницъ и не позволять развиваться экзальтаціи чувствъ: даже прекрасный идеалъ иногда вредитъ дѣйствительному благу (*beau idéal est souvent nuisible au bien réel*). Многимъ изъ нихъ придется жить въ деревнѣ, среди малообразованныхъ людей, въ уединеніи; надобно, чтобы онѣ были къ этому готовы и умѣли ужиться съ каждымъ честнымъ человѣкомъ; чтобы онѣ, видя примѣры лести и порока, не были, однако, застигнуты врасплохъ, находя нравственную опору въ религіи. Но, украшая и укрѣпляя духъ ихъ, необходимо *развивать ихъ умъ и любовь къ труду*, чтобы онѣ всегда имѣли ресурсъ въ самихъ себѣ. Главная задача воспитанія состоитъ въ умѣньш научить ихъ *находить источники нравственныхъ наслажденій въ самихъ себѣ и вокругъ себя*».

Выходя изъ такихъ высокихъ принциповъ, стремясь укрѣпить характеръ, направить волю тогдашнихъ институтокъ, Государыня не могла, однако, не сознавать, какъ трудно достигнуть всего этого од-

ними добрыми желаніями воспитательницъ, безъ соотвѣтственнаго умственнаго развитія и безъ соприкосновенія съ самой жизнью въ ея нуждахъ, заботахъ, въ ея радостяхъ и горестяхъ, которыя полною чашею испила она сама. Ей была, конечно, вполне ясна та истина, которую такъ метко выразилъ гениальный поэтъ (Гёте) въ словахъ: «Es bildet sich ein Talent in der Stille, doch ein Character—im Strom der Welt». Къ тому-же, въ Смольномъ, втеченіе слишкомъ четверти вѣка (основ. въ 1764 г.), уже успѣли прочно установиться извѣстныя, далеко не симпатичныя для Государыни традиціи, зависѣвшія не отъ доброй воли усердныхъ послѣдовательницъ ея возвышенныхъ принциповъ, а отъ самой системы воспитанія, отъ его тогдашней крайней замкнутости и сословности. Несомнѣнно, что только дворянская спѣсь «благородныхъ дѣвицъ» по отношенію къ «униженнымъ и оскорбленнымъ» мѣщанкамъ заставила ее, при пересмотрѣ программъ мѣщанскаго отдѣленія, твердо высказать, что «дворяне и мѣщане имѣють одинакія права на благодѣянія Монарха и на Наши заботы о нихъ, но—каждое сословіе сообразно съ своимъ положеніемъ».

Но какъ ни были правильны, гуманны и практичны взгляды Императрицы Маріи Ѳеодоровны на женское воспитаніе сравнительно съ Екатерининскими, однако она, по присущей ей скромности и изъ уваженія къ памяти своей Августѣйшей Свекрови, не рѣшалась на коренную ломку ея односторонней воспитательной системы. Не только по отношенію къ Смольному институту, но даже основывая другіе, новые институты, она позволяла себѣ только *смягчать* и нѣсколько *исправлять* крайности Екатерининскаго устава; она стѣснялась совершенно отмѣной этого устава, можетъ быть, еще и потому, что не считала себя полною хозяйкою этихъ *казенныхъ* учреждений, составляющихъ собственность государства и продуктъ его историческаго развитія. Съ одной стороны, чувство строгой легальности, а съ другой—уваженіе къ авторитету ея гениальной Предшественницы, столь импонирующимъ образомъ дѣйствовавшей на кроткую, женственную личность Маріи Ѳеодоровны до начала новаго царствованія, побуждали ее, по возможности, поддерживать уже существующій снимокъ съ католическаго Сенъ-Сира, и даже учреждать другіе, ему подобные, хотя въ нѣкоторыхъ изъ новыхъ институтовъ, напр., въ Патріотическомъ, (предназначенномъ для дочерей офицеровъ, убитыхъ или раненыхъ въ наполеоновскихъ войнахъ), было сдѣлано значительное отступленіе, въ видѣ сокращенія курса до 6-ти лѣтъ. Однако столь законное стремленіе къ самостоятельности, столь естественное жела-

нѣе осуществить и провѣрить и собственную систему правильного женскаго воспитанія, выработанную путемъ долгихъ наблюденій и глубокихъ размышленій, побуждаютъ Государыню учредить, въ видѣ опыта, свое собственное воспитательное заведеніе, на свои частныя средства, безъ всякихъ затратъ и какъ-бы безъ всякаго риска со стороны государства. Этого, повидимому, требовало чувство скромности Государыни, отличавшейся всегда и во всемъ самою тонкою деликатностью и осторожностью. И вотъ она, въ томъ-же 1797 году, спѣшитъ *самолично и собственноручно* начертать планъ такого «опытнаго» питомника для сиротъ и бѣдныхъ дѣвушекъ, который былъ-бы свободенъ отъ крайностей Екатерининской, чисто-монастырской воспитательной системы, созданной католическими патерами примѣнительно къ потребностямъ высшаго французскаго общества того времени, и превознесенной придворными французскими писателями. Для тогдашней Россіи нужны были другія условія воспитанія, сближавшія ее съ тою Европою, какую Марія Ѳеодоровна еще ближе узнала во время своего путешествія, въ качествѣ супруги Цесаревича Павла, и, въ то-же время, соотвѣтствовавшія собственно русскимъ національнымъ потребностямъ. Набрасывая планъ своего *собственного* института, озаглавленный «Institut Marie» и донывъ неприкосновенно хранящійся въ архивѣ Вѣдомства ея имени, Государыня прежде всего *предназначала его для сиротъ*, не снимая, такимъ образомъ, съ матерей священной обязанности заботиться о воспитаніи и первоначальномъ образованіи собственныхъ дочерей; затѣмъ *возвышала пріемный возрастъ* и тѣмъ сокращала самый срокъ пребыванія дѣтей въ институтѣ, чтобы не отчуждать ихъ слишкомъ отъ дѣйствительной жизни; *не допускала слишкомъ большого многочисленія* въ заведеніи, ведущаго къ «казарменности» т. е. къ обезличиванію подъ гнетомъ одной внѣшней дисциплины; *устраняла рязкое сословное дѣленіе питомницъ*, существовавшее въ Смольномъ институтѣ, признавая лишь необходимымъ дѣленіе ихъ по преобладающимъ способностямъ къ труду—или умственному, или художественно-ремесленному; *требовала возможно большей простоты быта и знанія хозяйственныхъ потребностей жизни*, одинаково обязательныхъ для каждой жены и матери; на случай нестройства семейнаго положенія, *предназначала каждую воспитанницу къ дѣлу воспитанія и обученія другихъ дѣтей*—или по наукамъ, или по руководѣніямъ, или по простому присмотру за дѣтьми, смотря по образовательному цензу воспитанницы, опредѣляемому при ея выпускѣ; *обращала особенное вниманіе на практическое и грамматическое знаніе не только французскаго, но и нѣмецкаго языка*,

преподаваніе которыхъ она совершенно упразднила (вмѣстѣ съ музыкой и танцами) на Мѣщанскомъ отдѣленіи Смольнаго института на томъ основаніи, что «развитіе свѣтскихъ талантовъ не только вредно, но и пагубно для мѣщанокъ, такъ какъ выводитъ ихъ изъ условій ихъ среды». Таковы были особенности ея *собственнаго*, вполнѣ самостоятельнаго, какъ-бы частнаго института; таково было его *raison d'être* въ ряду другихъ однородныхъ съ нимъ учрежденій, болѣе или менѣе примыкавшихъ къ Екатерининской системѣ по типу «Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ», или имѣвшихъ совершенно особенное устройство при тогдашнихъ Приказахъ общественнаго призрѣнія. Эти существенныя свои особенности Маріинскій институтъ удержалъ въ главныхъ чертахъ, а иногда и въ нѣкоторыхъ частностяхъ, до настоящаго времени, свято храня завѣты своей незабвенной Основательницы, и развивая ихъ согласно съ требованіями науки и жизни, въ ихъ поступательномъ движеніи среди русскаго общества. Для болѣе правильнаго обзора тѣхъ прогрессивныхъ измѣненій, которыя оказались необходимыми въ продолженіе долгой, почти *столѣтней* (1797—1894 г.) жизни Маріинскаго института, всю исторію его можно раздѣлить на *три* главныхъ періода, тѣсно связанныхъ между собою непосредственною преемственностью высшаго руководства этимъ заведеніемъ въ лицѣ Августѣйшихъ Особъ Императорской Фамиліи, а также и строжайшею постепенностью и послѣдовательностью во внутреннемъ его развитіи на заложенныхъ Императрицею Маріею Феодоровною основаніяхъ.

Первый періодъ обнимаетъ время отъ основанія института, въ 1797 г., по 1828-ой, въ которомъ въ Бозѣ почилъ его Высокая Основательница, т. е. болѣе 31 года. *Второй періодъ*, со включеніемъ почти *годового* временнаго завѣдыванія институтомъ лично самимъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, простирается съ 1828 года по 1873 г., такъ какъ втеченіе послѣдующихъ 44-хъ лѣтъ заведеніе это состояло подъ высокимъ покровительствомъ въ Бозѣ почивающей Великой Княгини Елены Павловны и, наконецъ, *третій періодъ* продолжается съ 1873 года по 30 Апрѣля сего года, когда институтъ, въ продолженіе 20-ти слишкомъ лѣтъ, имѣлъ счастье состоять подъ покровительствомъ въ Бозѣ почившей Государыни Великой Княгини Екатерины Михайловны.

Первый періодъ (1797—1828 г.)

а) Учрежденіе Маріинскаго института.

Первая мысль объ учрежденіи собственнаго, независимаго отъ Екатерининскихъ законоположеній института, могла появиться у новой Императрицы Маріи Ѳеодоровны немедленно по назначеніи ея, въ ноябрѣ 1796 года, къ завѣдыванію *единственнымъ* тогда въ Россіи (если не считать приютовъ при Приказахъ общественнаго призрѣнія) государственнымъ женскимъ институтомъ—Воспитательнымъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ и состоящимъ при немъ Мѣщанскимъ училищемъ, съ уставами которыхъ ей необходимо было теперь ознакомиться ближайшимъ образомъ. Кромѣ чисто филантропическихъ побужденій, столь свойственныхъ любвеобильному сердцу Государыни, у нея, какъ уже было упомянуто, естественно могло явиться желаніе попробовать избѣгнуть тѣхъ крайностей, какія уже давали себя чувствовать въ въ этомъ первомъ созданіи ея великой Предшественницы,—и она набросала достопамятный *планъ* новаго воспитательнаго заведенія, къ сожалѣнію, не имѣющій даты. Но, судя по содержанію этого наброска, можно заключить, что онъ былъ сдѣланъ только для памяти, безъ всякой законодательной отдѣлки, и, во всякомъ случаѣ, предшествовалъ открытію того какъ-бы частнаго ея учрежденія, въ которомъ Государыня, еще не надѣясь на свою опытность, думала пока *производить опыты и наблюденія*, и уже затѣмъ придать ему болѣе точную и опредѣленную организацію. Судя по сохранившимся въ архивахъ документамъ, пріемъ сиротъ былъ начатъ съ 26 іюня 1797 года, открытіе же самого помѣщенія для нихъ, приспособленіе котораго также требовало времени, послѣдовало лишь 23-го декабря того-же года, т. е. предъ началомъ тогдашняго учебнаго года, что согласно и съ данными 50-ти-лѣтней *хроники* того вѣдомства, которому было впослѣдствіи присвоено имя Императрицы Маріи. При открытіи этого ея *перваго по времени, собственнаго* института, въ немъ состояло лишь 7 сиротъ; а потому ему и было вначалѣ присвоено, согласно его ближайшему назначенію, наименованіе «Сиротскаго училища», хотя въ тогдашнихъ документахъ онъ нерѣдко называется также «Маріинскимъ для сиротъ институтомъ», или «Сиротскимъ институтомъ», а иногда даже «*Императорскимъ Маріинскимъ институтомъ*». Первый собственноручный уставъ этого заведенія, озаглавленный словами «Institut Marie», Государыня, какъ уже сказано, еще не считала окончательнымъ и не представляла на утвержденіе своего царственнаго Супруга. Только 17-го

ноября 1800 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ этому первому учрежденію милосердной Государыни было присвоено названіе «*Маріинскаго института*», въ честь ея Высокой Основательницы.

б) *Административная часть.*

Такъ какъ въ первоначальномъ планѣ или временномъ уставѣ Маріинскаго института Императрица Марія Ѳеодоровна ничего не упоминаетъ объ управленіи этимъ заведеніемъ, то изъ этого можно заключить, что Государыня оставляла лично за собою всю распорядительную часть по заведенію, возложивъ исполненіе своихъ приказаній на надзирательницу *Анертъ* и на смотрителя дома, (а впослѣдствіи директора) *Анерта*—ея мужа, которому была также поручена и вся письменная часть.

Принимая всѣ расходы по содержанію института на свое иждивеніе, Государыня опредѣляетъ его комплектъ въ 40 человекъ, для дочерей лицъ преимущественно средняго сословія, принимаемыхъ по баллотировкѣ, и къ нимъ добавляетъ еще 10 отдѣльных пансіонерокъ, назначаемыхъ изъ дочерей служащихъ или служившихъ при ея особѣ лицъ, по ея личному выбору и усмотрѣнію, хотя-бы дѣти и имѣли обоихъ родителей. Всѣ кандидатки на вышеупомянутыя 40 штатныхъ вакансій должны быть подраздѣляемы на *три разряда*; при выборѣ кандидатокъ на баллотировку предпочтеніе отдается сперва *круглымъ сиротамъ*; за ними слѣдуютъ *полусироты* и, наконецъ, при наличности вакансій, допускаются дѣвочки, *имѣющія обоихъ родителей*. Принимаемыя дѣти должны быть совершенно здоровы; въ противномъ случаѣ онѣ не допускаются къ приему и могутъ быть возвращаемы родителямъ даже послѣ приѣма, но не позже, какъ черезъ 6 мѣсяцевъ. Возрастъ для приѣма Государыня опредѣляетъ отъ 10 до 11-ти, а въ крайнихъ случаяхъ—и до 12-ти лѣтъ, но удерживаетъ за собою право назначать своихъ именныхъ пансіонерокъ (въ числѣ 10) и съ 8-милѣтняго возраста. Нормальный срокъ пребыванія воспитанницъ въ институтѣ она полагаетъ *6-ти-лѣтній*, съ тѣми отступленіями, которыя ею будутъ допускаемы въ крайнихъ случаяхъ. Выпускной возрастъ она принимаетъ для пансіонерокъ—въ 16 лѣтъ, но предполагаетъ также и отступленія. Съ такою-же обстоятельностью опредѣляются въ этомъ наброскѣ устава и другія правила по учебной, воспитательной и хозяйственной частямъ института, о которыхъ будетъ сказано въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ этого очерка.

Въ слѣдующемъ за открытіемъ института въ 1798 году, — кото-

ромъ Императрицею Маріею Оеодоровною было учреждено «Училище ордена Св. Екатерины», она признала необходимымъ назначить, для ближайшаго завѣдыванія дѣлами Маріинскаго института и для исполненія ея порученій по этому заведенію, особаго *директора*, *) опредѣлить къ надзирательницѣ, переименованной въ *главную*, отдѣльную *помощницу*, и преподать имъ небольшую, (всего изъ 8-ми параграфовъ), *инструкцію* объ ихъ обязанностяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ. Придавая особенное значеніе руководѣльнымъ работамъ воспитанницъ, столь любимымъ ею лично, Государыня, во § 2 этой инструкціи, предписываетъ раздѣлить воспитанницъ по ихъ успѣшности въ этомъ дѣлѣ «на *три класса*: въ 1-мъ, которыя уже вышивають, во 2-мъ — кои бѣлье шьютъ и вяжутъ, и въ 3-мъ — кои только вяжутъ». Въ лицѣ директора объединяются всѣ отрасли управленія заведеніемъ, и онъ является посредникомъ между нимъ и Государыней, которой прибавилось столько заботъ и попеченій съ открытіемъ Екатерининскаго института и съ началомъ нѣкоторыхъ частныхъ реформъ въ другихъ учрежденіяхъ, подвѣдомственныхъ Опекунскому совѣту.

Вскорѣ Государыня нашла для себя усерднаго и даровитаго помощника въ лицѣ тогда еще колл. сов. *Г. И. Вилламова* (1801 г.)—и внутренняя организація Маріинскаго института, которому она посвящала свои главные заботы, быстро двинулась впередъ. Всѣ нужды и потребности его, по рапортамъ Главной надзирательницы, (переименованной съ 1807 года въ *директриссу*), или по докладамъ директора, обыкновенно удовлетворялись Государыней *въ тотъ-же день*, и отвѣты дѣлались нерѣдко собственноручно. Пользуясь опытомъ уже прожитыхъ институтомъ лѣтъ, она, въ 1807 году, составила для него болѣе обстоятельное, состоящее изъ 17 параграфовъ *Положеніе*, въ которомъ точно и опредѣленно выражена главная цѣль принятой ею системы воспитанія сиротъ: «*чтобы сдѣлать изъ нихъ честныхъ и добродѣтельныхъ женъ, хорошихъ и свѣдущихъ хозяекъ, попечительныхъ надзирательницъ и искусныхъ во всякихъ женскихъ руководящихъ работахъ*». Здѣсь-же впервые точно опредѣлены и штаты служащихъ и прислуги: директоръ, директрисса, 2 классн. дамы, экономъ, священникъ (онъ-же законоучитель и учитель русскаго языка), 4 учителя

*) Послѣ Анерта директорами состояли: надв. сов. *Віоме* (1799—1813), полк. *Гесенъ* (1813—1815), кол. асс. *Флессіеръ* (1815—1817), ген.-маіоръ *Арсеніевъ* (1817—1828) и ген.-лейт. *Клингенбергъ* (съ 3 апр. 1828 г.). Директору по штату полагалось (только на разъѣзды) по 200 руб. асс. въ годъ, въ виду благотворительной цѣли заведенія. Гесенъ, Арсеніевъ и Клингенбергъ одновременно состояли директорами и Военно-сиротскаго дома—нынѣ Павловскаго института.

наукъ и 2 руководѣльныхъ учительницы (вышиванія и дѣланія кружевъ), докторъ, кастелянша, 4 прислужника, 2 служанки для кухни и 4 прачки. Положеніе опредѣляетъ и нормальный бюджетъ института—въ 13.000 руб. асс., отпускаемыхъ ежегодно изъ казны Ея Императорскаго Величества, что, при комплектѣ сиротъ въ 40 человекъ, составляетъ значительную по тогдашнему сумму—по 325 р. асс. въ годъ на каждую воспитанницу. За своихъ личныхъ пансіонерокъ Государыня платила отдѣльно, смотря по ихъ числу, такъ какъ нѣкоторыхъ сиротъ она отдавала въ Маріинскій институтъ лишь временно, впредь до открытія казенныхъ вакансій въ этомъ-же, или въ другихъ институтахъ,—особенно, если число уже имѣющихся въ Маріинскомъ институтѣ ея собственныхъ пансіонерокъ уже превышало число 10.

Еще болѣе полнымъ и многостороннимъ является послѣдующій *Уставъ*, составленный Г. И. Вилламовымъ на основаніи 14-ти-лѣтняго опыта Государыни, и апробованный ею *30-го марта 1811 года*; уставу этому она и оставалась вѣрна до самой смерти. Въ немъ, въ 25 пунктахъ, съ замѣчательною точностью опредѣлены всѣ стороны жизни Маріинскаго института: *цѣль его учрежденія, пріемъ и выпускъ дѣвицъ, воспитательная и учебная части, благоустройство, порядокъ и прихода-расходная отчетность*. Штаты заведенія расширены настолько, что годовой бюджетъ его, при томъ-же комплектѣ воспитанницъ въ 50 челов. (40 штатныхъ и 10 Императрицы Маріи), опредѣленъ уже въ 18.000 руб. асс., или по 360 руб. на каждую воспитанницу. За собственныхъ пансіонерокъ Государыня полагала добавочную плату по 250 р. асс. въ годъ. *Практическая* цѣль воспитанія, по этому новому уставу, по прежнему *двоякая*, смотря по *способностямъ и призванію*, а не по сословному происхожденію воспитанницъ: приготовленіе ихъ или къ воспитанію другихъ, или для руководѣля и хозяйства, столь необходимыхъ въ семейной жизни. *Нравственныя* цѣли воспитанія должны быть также одинаковы для всѣхъ институтокъ, къ какому-бы сословію онѣ ни принадлежали и въ какомъ-бы отдѣленіи ни обучались: въ общеобразовательномъ, или въ профессиональномъ. Государыня, повидимому, всячески старалась объединить въ своемъ маленькомъ «опытномъ питомникѣ» тѣ двѣ стороны воспитанія, которыя были слишкомъ рѣзко разъединены, и притомъ по *сословному* принципу, въ двухъ отдѣленіяхъ Смольнаго института, порождая столь прискорбный антагонизмъ между питомицами. Правда, въ «мѣщанскомъ» отдѣленіи Смольнаго по уставу также допускалось, начиная съ III-го класса, т. е. на 7-й годъ вос-

питанія, выдѣленіе болѣе даровитыхъ воспитанницъ и перемѣщеніе ихъ на «благородную» половину, для дальнѣйшаго умственного образованія,—но мѣра эта примѣнялась съ трудомъ, и «мѣщанки» плохо уживались съ «благородными».

Условія пріема и выпуска, относительно возраста, оставлены въ этомъ уставѣ 1811-го года тѣ-же, что и въ положеніи 1807 года; только еще точнѣе ограниченъ пріемъ 10-ти-лѣтнихъ штатныхъ воспитанницъ, для которыхъ нормальнымъ возрастомъ окончательно признанъ *11-ти-лѣтній*. Но зато добавлено немало преимуществъ для сиротъ и безпріютныхъ, при выпускѣ ихъ изъ заведенія. «Для тѣхъ,—говорится въ уставѣ,—которые не имѣютъ пристанища, пріискиваются приличныя мѣста въ *публичныхъ учрежденіяхъ* или *хорошихъ частныхъ домахъ*, и онѣ при выпускѣ снабжаются нужною одеждою и бѣльемъ изъ суммы, которая (333½ руб. асс.) въ каждую треть вносится на приращеніе въ Сохранную казну Воспитательнаго дома изъ собственной Ея Императорскаго Величества кассеты. А если которой воспитанницѣ, не имѣющей ни родителей, ни родственниковъ, представляется случай при выпускѣ къ выходу въ замужество прямо изъ института, такой, сверхъ выработанныхъ (рукодѣльями) денегъ, жалуется еще *сто* рублей (асс.) въ приданное». На основаніи этого пункта, окончившія курсъ сироты иногда по-долгу оставались при институтѣ, пока Государыня, ея приближенные или начальство заведенія не находили имъ мѣста. Тогда Государыня требовала заключенія формальнаго условія съ нанимателями такой гувернантки или учительницы, просматривала эти условія, освѣдомлялась о благонадежности нанимателей, заботилась о безопасномъ и удобномъ путешествіи молодой дѣвушки, если ей приходилось ѣхать въ провинцію, а иногда даже посылала ей отъ себя экипажъ.

Выпускные экзамены уставъ 1811-го года назначаетъ въ февралѣ, а баллотировку и пріемъ новыхъ воспитанницъ—въ апрѣлѣ, причемъ Государынѣ представляются предварительно всѣ самыя подробныя свѣдѣнія о происхожденіи, возрастѣ, семейномъ и имущественномъ положеніи каждой кандидатки. Круглыхъ сиротъ предписывается пріимать безъ баллотировки, если для нихъ имѣется достаточное число вакансій; а если число такихъ кандидатовъ превышаетъ число вакансій, то баллотировка и для круглыхъ сиротъ обязательна. Полусироты и вообще бѣднѣйшія баллотировются только тогда, когда для нихъ останутся вакансіи по устройствѣ судьбы предшествовавшихъ, болѣе нуждающихся разрядовъ кандидатовъ. Всѣ списки и результаты пріема снова подносятся на разсмотрѣніе и утвержденіе Госу-

дарыни, которая по прежнему сохраняет за собой право лично назначать собственных пансіонерокъ.

При тогдашнемъ недостаткѣ въ русскихъ домашнихъ учительницахъ и гувернанткахъ, къ обязанностямъ которыхъ обыкновенно призывались разныя иностранки нерѣдко весьма сомнительнаго свойства, окончившія курсъ Маріинки устраивались, въ большинствѣ случаевъ, безъ затрудненій; такъ въ 1815 году тогдашній гофмейстеръ Высочайшаго Двора *Новосильцевъ* доноситъ Государынѣ, что дѣвица Сулова поступила въ домъ къ г-жѣ Могилянскоѣ по 200 руб. асс. въ годъ, «на первый случай для обученія дѣтей». Въ томъ-же году Государыня отдаетъ такое приказаніе: «Находящуюся въ комплектѣ института воспитанницу Прасковію Кругликову повелѣваю изъ онаго исключить, для опредѣленія при Любезнѣйшей Дочери Моей Великой Княжнѣ Аннѣ Павловнѣ». Въ 1821 году Государыня дѣлаетъ распоряженіе объ опредѣленіи воспитанницы Капель, отличавшейся особенными художественными способностями, «въ казенное заведеніе для рисованія», вѣроятно—въ Академію Художествъ. Объ окончившей курсъ воспитанницѣ Казициной Г. И. Вилламовъ доноситъ Государынѣ (1815 г.), что «дѣвицѣ сей прискано мѣсто у желающей взять ее дѣвицы Константиновой» и что «жалуемая Ея Императорскимъ Величествомъ при выпускѣ платье, бѣлье и обувь изготовлены», а потому и испрашивается на сіе Высочайшее повелѣніе. На докладѣ, вѣроятно, по наведеніи точныхъ справокъ о личности г-жи Константиновой и объ условіяхъ найма, написано: «Апробованно. Марія». Въ 1823 году Государыня, чрезъ Г. И. Вилламова, проситъ тогдашнюю директрису *П. И. Наймановскую* рекомендовать ей кого-либо изъ бывшихъ воспитанницъ Маріинскаго института, хорошо знающую французскій языкъ (*qui parle le français correctement et coulamment*), для опредѣленія ея *классною дамою* при Гатчинскомъ домѣ для подкидышей; окончившую курсъ Лебеву устраиваетъ чрезъ генерала *Арсеньева* къ г-жѣ Лангсдорфъ, въ качествѣ *гувернантки* къ 2-мъ дѣтямъ, по условію за 300 р. въ годъ, а бывшую воспитанницу Тейеръ—*классною дамою* также въ Гатчинѣ. Въ томъ-же году (20 сент.) она поручаетъ директрисѣ прислать въ Гатчину классную даму *Рихтеръ* съ двумя другими дамами, чтобы состоять въ распоряженіи Принцессы Шарлотты, вѣроятно, временно. Во всемъ этомъ видна особенная близость Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ своему институту, въ которомъ она близко знала не только всѣхъ служащихъ, но и каждую воспитанницу. Таковъ, напр., слѣдующій ея ордеръ: «Маріинскому институту. На мѣсто вышедшей изъ числа ком-